

В.Л.Янин

РОЛЬ НОВГОРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

The following questions are taken into consideration in the article: the rise of Novgorod (in the context of the problem of the rise of ancient Russian statehood), formation of early forms of feudalism in Novgorod region, culture and everyday life during the period of blossoming of Novgorod republic and so on. The special attention is paid to the conclusions, which are based on the archeological excavations in Novgorod during many years.

Говорить о роли Новгорода в отечественной истории и легко, и необычайно трудно. Легко потому, что выдающееся значение этого города никогда и никем не подвергалось сомнению. Со времен А.Н.Радищева и декабристов средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством был не только в центре внимания передовой общественной мысли России, но и идеалом свободолюбия. Вечевой колокол — символ вольнолюбивого духа — стал символом благородной деятельности А.И.Герцена, давшего своей газете имя «Колокол». Не оставляла Новгород без внимания и историография противоположного направления, для которой этот город сделался символом иного общественного начала; она провозгласила его колыбелью российской монархии, а вечевой колокол, форма которого легла в основу памятника Тысячелетию России, преобразовала в апофеоз уваровского триединства — «православия, самодержавия, народности».

Трудности же в освещении роли Новгорода вызваны тем, что традиционные и столь противоречивые оценки возникали тогда, когда наука не располагала и десятой долей тех источников, которые известны сегодня. И лишь сейчас наступает время для трезвого взвешивания привычных выводов и лежащих в их основе аргументов.

В настоящей статье хотелось бы коснуться тех узловых проблем, которые имеют отношение к обозначенной в ее заглавии теме. Первая из этих проблем — возникновение самого Новгорода, юбилей которого привычно исчисляется не от даты основания, а от даты первого упоминания города на страницах летописи под 862 г.* Сама по себе эта дата условна, однако очевидно, что она близка к истинной, и Новгород действительно принадлежит к числу самых древних городов Руси. В более раннее время появились и укрепленные поселения, и поселения с заметно выраженным торгово-ремесленным обликом, но они еще не были городами в том смысле, который вкладывает в этот термин современная наука.

В настоящее время широко распространена концепция киевского происхождения Новгорода, согласно которой Новгород возник в результате объединения северорусских земель с днепровским Югом и был основан киевскими князьями как пограничная

крепость на северных рубежах Киевской Руси. Логичным следствием такой концепции оказывается отрицание летописной даты раннего существования Новгорода, поскольку само возникновение объединенной Киевской Руси относится к самому концу IX — началу X вв., а не к середине IX в. [1].

Что по этому поводу сообщают новейшие научные данные? На первое место среди них я поставил бы языковые свидетельства новгородских берестяных грамот ранней поры, т.е. XI — начала XIII вв. Лингвистический анализ этих документов, исчисляемых уже сотнями экземпляров, проведенный А.А.Зализняком, установил главные особенности древнего новгородского диалекта, которые демонстрируют его своеобразие и резкое несходство с особенностями южнорусских древнейших языковых пластов. Эти новгородские особенности обнаруживают частичное совпадение с соответствующими элементами западнославянских языков [2]. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что основной массив славянского населения русского Северо-Запада образовался за счет притока славян не с берегов Днепра, а из южной Прибалтики. Очень показательными оказываются близкие совпадения в новгородском и западнославянском именослове, а также в топонимике. О том же говорят данные археологии и антропологии.

Весьма любопытную картину открывает топография древнейших монетных находок, которая показывает существование не только в IX в., но даже и в XI в. двух экономически замкнутых областей с особыми денежно-весовыми системами в каждой: одна — на юге, а другая — на северо-западе Восточной Европы [3]. Археологическое изучение славянских поселений на Северо-Западе Руси показывает, что в них уже в VIII — IX вв. развиваются процессы выделения ремесла, социального расслоения, разложения самых основ военно-демократического общества.

Возникает ли в это время в Новгородской земле государство или государственность привнесена объединением Северо-Западной и Южной Руси, т.е. распространением политической системы Киева на новгородские земли? Рассмотрим эту проблему особо. Известно, что времени расцвета Новгорода в XII — XIV вв. соответствует весьма специфическая форма государственности — вечевая боярская республика, которая возникла в результате упорной антикняжеской борьбы новгородцев. В ходе этой борьбы одерживают верх над аппаратом княжеской власти такие республи-

* Официально принятая дата «возникновения» Новгорода — 859 год — была предложена академиком М.Н.Тихомировым в конце 1950-х годов. — *Ред.*

канские институты, как посадничество и вече, которые отнюдь не возникают из изменчивой политической ситуации XI в., а генетически восходят к древнейшим институтам власти эпохи военной демократии: вече предшествует народное собрание, посаднику — родоплеменные старейшины (последний старейшина Гостомысл титулуется летописцами XV в. и как первый посадник). Княжеская власть и вечевой строй образуют противоположные полюсы политической борьбы, имея разное историческое происхождение. И если в борьбе между этими институтами победу одержал вечевой строй, значит и свойственные ему формы государственности оказались более жизнестойкими. Они в то же время не могли возникнуть спустя столетия после установления княжеской власти и, таким образом, имеют более древнее происхождение, нежели последняя. Что касается княжеской власти, то в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, она не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, общеизвестно, что импульс к объединению северо-западных и южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию.

Говоря о возникновении в Новгороде княжеской власти во времена, предшествующие Олегу, мы вступаем в область сложных дискуссий, так или иначе связанных с вопросом о роли норманнов в русской истории. Этот вопрос отнюдь не сводится к элементарному голосованию: существовал Рюрик или не существовал. Он имеет совершенно иной смысл. В системе норманистских концепций призвание Рюрика трактуется как акт коренного преобразования восточного славянства. До этого акта не было якобы ни правопорядка, ни государственности, ни культуры. И все это было насажено на русской почве культуртрегерскими руками скандинавов. При этом вопрос об уровне правопорядка, государственности и культуры самих норманнов, как правило, не затрагивается.

Внешне сильными аргументами для норманистов были отсутствие среди древнерусских источников каких-либо материалов, говорящих о существовании на Руси процессуального кодекса вплоть до XIV — XV вв., а также традиционная трактовка «Русской Правды» как правового кодекса, введшего систему государственных штрафов лишь с принятием христианства в конце X в. Если указанные юридические нововведения, рассуждали норманисты, возникли столь поздно, то о каком же правопорядке можно говорить, имея в виду более ранний этап?

Между тем открытие в Новгороде берестяных грамот нанесло сильнейший удар по этим взглядам. Выяснилось, что в конце XII в. при судебном разбирательстве применялись именно те детальные нормы, которые прежде были известны только по источнику XV в. [4]. А существование системы государственных штрафов за преступления еще в языческие времена демонстрируется находкой деревянных бирок с надписями, принадлежавших сборщику таких штрафов. Древнейшие из этих бирок найдены на Троицком раскопе в слоях 70-х годов X в. [5].

Самобытная культура Новгорода, не имеющая ничего общего со скандинавскими образцами, представлена многочисленными предметами из нижних пластов всех раскопов, где имеются напластования X в. Это, между прочим, самые красивые комплексы предметов, относящиеся еще к тому времени, когда ремесло работало не на рынок, а на заказ, т.е. еще не перешло к производству массовой стандартной продукции. Каждый мастер в соответствии со своим собственным вкусом и вкусами заказчиков стремился изготовить художественный шедевр, будь то ковш или ложка, рукоятка ножа или копыл саней.

Возвращаясь к вопросу о государственности, на этот раз в аспекте норманнской проблемы, я могу повторить все то, что уже было сказано относительно жизнестойкости ее древнейших форм, имеющих самобытное происхождение. Но к этому следует добавить и еще один аргумент. Приоритет вечевых форм власти над княжескими очевиден и потому, что княжеская резиденция в Новгороде располагалась вне городской цитадели — детинца. Располагаясь первоначально на Городище, а затем в течение нескольких десятилетий на Ярославовом дворище, она и в том, и в другом случае находилась вне стен крепости, всегда и во всех случаях защищавшей главнейшие общественные институты, которые, таким образом, уже существовали к моменту приглашения князя. Сам акт приглашения князя в дальнейшем сделался формулой приоритета вече над княжеской властью: «Мы, новгородцы, вольны в князьях — где нам любо, там князя и поимем». Эта конституционная формула включает в себя, естественно, и право изгнания князя. Возникновение в Новгороде института княжеской власти не привело к уничтожению вечевых основ общественного строя, и это позволяет утверждать, что фундаментом системы государственности Новгорода в IX — XI вв. был договор между вечем и князем, накладывавший на обе стороны взаимные обязательства. Мы, разумеется, не имеем возможности реконструировать все статьи такого договора, однако об одной из них говорить вполне возможно.

Та проблема, которую мне предстоит затронуть, имеет отношение к сложнейшему в нашей историографии вопросу о существовании ранних феодализма на Руси. В основе феодальных отношений всегда лежит система феодального землевладения. Обязательным ее элементом является наличие крупных форм землевладения. Поэтому Б.Д. Греков, не сомневающийся в наличии феодализма на Руси в IX в., предполагал, что и крупная частная феодальная вотчина в указанное время уже существовала. Такой взгляд как нельзя лучше способствовал и выработке представления о механизме образования в Новгороде боярской республики. Было замечено, что в X — XI вв. новгородскими князьями становились старшие сыновья и наследники киевских князей. Поскольку Новгород рассматривался ими как промежуточный пункт на лестнице политической карьеры, князья-наместники не стремились обзаводиться здесь земельными владениями; так же поступали и их дружинники. В силу этого инициативе новгородского боярства в наступлении на общинные земли

ничто не препятствовало, и постепенно, на протяжении XI в., бояре стали во много раз сильнее князя, что и позволило им в 1136 г., опираясь на народное восстание, победить и окончательно образовать республиканскую власть.

Между тем детальное исследование процесса формирования в Новгороде вотчинной системы установило, что частная собственность на землю в крупных формах, будь то домениальные княжеские владения или боярские вотчины, впервые возникла не ранее начала XII в. В то же время существенные успехи в антикняжеской борьбе новгородское боярство демонстрировало уже в XI в., на всем его протяжении, с того момента, когда завоевывало льготы у Ярослава Мудрого, но особенно во второй половине XI в., когда, в частности, возник особый орган боярской власти — посадничество. Само расхищение общинных земель оказывается не причиной, а следствием успехов боярства в его политической борьбе с князем [6]. На чем же основывалось в действительности экономическое могущество бояр, столь ярко проявившееся еще в довотчинный период?

Анализ археологических комплексов боярских усадеб X—XI вв. и показаний берестяных грамот XI в. позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос. Это могущество основывалось на крупном землевладении феодального типа, но не вотчинном, а корпоративном, государственном. В отличие от других центров княжеской власти, где сбор земельной ренты осуществлялся князем и его дружиной в форме всем хорошо известного полюдья, в Новгороде с его системой погостов сборщиками дани становились не дружинники князя (его дружина была варяжской), а представители богатейшей верхушки города, те, кто потом станут называться боярами. Согласно «Русской Правде», податные и судебные доходы делились между государством (князем), духовенством (в дохристианское время жречеством) и самими сборщиками дани (вирниками, емцами, мечниками). Свидетельства такой деятельности вирников были собраны в ранних слоях тех усадеб, которые в более поздние времена принадлежали их потомкам — знаменитым боярам Мишиничам, Мирошкиничам и т.д.

Постоянные разъезды для сбора податей делали вирников особенно мобильными и давали им в руки еще один источник существенного обогащения — ростовщичество. Ранние берестяные грамоты пестрят сведениями о суммах, отданных в рост в разных уголках Новгородской земли; проценты с них стекались в городские усадьбы феодалов. И сама такая усадьба становилась важным источником доходов для ее владельца. На каждой из них уже в X—XI вв. существовали разнообразные ремесленные мастерские, работавшие на господском сырье. Повидимому, участие в сборе и разделе государственных доходов верхушки местного новгородского общества и было одним из обязательных условий договора веча и князя.

Иллюстрацией к характеристике новгородского боярства в так называемый «княжеский» период новгородской истории может служить один былин-

ный сюжет, который причудливо связался с материалами археологических раскопок. На Троицком раскопе исследуется большой комплекс боярских усадеб, на рубеже XII-XIII вв. принадлежавших хорошо известной в Новгороде семье Мирошки Несдинича и его сыновей Дмитра и Бориса. В частности, этой семье принадлежала и ставшая широко известной усадьба художника Олисея-Гречина, который был священником в церкви Василия, построенной этой семьей. Нас, естественно, интересуют предки Мирошки Несдинича. Известно, что Несда (отец Мирошки) был, по летописному сообщению, биричем, т.е. чиновником княжеско-посадничьего суда. В более древних слоях рубежа XI-XII вв. здесь же была обнаружена берестяная грамота, адресованная некоему Ставру, в котором мы, по месту находки этого документа, имеем возможность предполагать одного из предков Мирошки. Между тем единственный Ставр, известный в новгородской летописи, жил как раз в начале XII в. и был соцким, т.е. важным чиновником княжеской администрации. В 1118 г. он был схвачен в Киеве Владимиром Мономахом и подвергнут заточению [7].

Память об этом Ставре и о его киевской опале запечатлена в известной былине о Ставре Годиновиче. Былина повествует, как Ставр, приехав в Киев, стал похвалиться перед киевлянами Новгородом, чего они стерпеть никак не могли. Вот в каких выражениях былина излагает эту похвальбу:

В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем
И полным лицом живу доверенным...
Ой глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкового князь-Владимира?
У меня ль, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева [8].

Былинная самохарактеристика Ставра соответствует летописным сведениям о соцком Ставре, но она в то же время как нельзя лучше совпадает с изложенным выше представлением о новгородском боярине ранней поры, который, располагая официальными должностями в аппарате княжеского управления, уходит корнями в местную почву, гордясь своим Новгородом, где жили и умирали его предки, не имевшие отношения к непосредственному окружению князя.

Подытоживая сказанное выше, я следующим образом сформулировал бы главный вывод. На заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX в. с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Древнерусским государством или Киевской Русью. В этом, на мой взгляд, состоит главная историческая роль Новгорода на раннем этапе его существования.

* * *

Перейдем теперь к периоду расцвета Новгорода в XII — XIV вв. и поговорим о том, что не записано в летописях, но что ярко отражено материалами раскопок. Новгород этого периода — город искусных ремесленников, великих зодчих, выдающихся художников. Культурный слой эпохи расцвета до отказа насыщен свидетельствами трудовой деятельности его населения — предметами ремесленного производства, орудиями труда, отходами производственного сырья. Изучение технологической рецептуры познакомило нас с ремесленными секретами мастеров, знавших все то, что было известно их собратьям в прославленных ремесленных центрах Западной Европы и Ближнего Востока. Открытые в раскопках мастерские исчисляются уже многими десятками, а их специализация всеобъемлюща.

Разумеется, высокий уровень производства лишь частное проявление высокой культуры в целом. Другим ее показателем оказывается немыслимый для прежних исследователей высокий уровень грамотности, проявляющийся буквально во всех слоях городского и, что особенно важно, сельского населения Новгородской земли. Постараюсь показать, что столь высокий уровень грамотности свойствен именно Новгороду и не найдет соответствия в других средневековых русских центрах.

Часто задают вопрос, почему в Новгороде берестяные грамоты исчисляются уже сотнями, а в раскопках других древнерусских городов лишь единицами. И часто приходится выслушивать суждение, что так получилось только потому, что в Новгороде ведутся раскопки особенно широкого масштаба. На самом деле масштаб раскопок здесь не играет особой роли. В одном из немногочисленных городских центров Новгородской земли — Старой Руссе раскопки были небольшими, но в ходе их найдено уже 40 берестяных грамот — фактически столько, сколько во всех вместе взятых остальных древнерусских городах. Главной причиной изобилия грамот в Новгороде, на мой взгляд, является его республиканское устройство.

Дело в том, что постоянное обновление главных государственных должностей, происходившее каждый год, вынуждало новгородских землевладельцев концентрироваться в самом Новгороде. Если бы землевладелец пожелал постоянно жить в своей вотчине, он оказался бы вырванным из системы перманентной борьбы за власть, утратил бы и влияние, и возможности. Он был, таким образом, центростремителем. Напротив, в центрах безраздельной княжеской власти феодал, чтобы обрести относительную самостоятельность, стремился в вотчину, где в отдалении от центральной власти он обретал большую свободу действий. В частности, подобный процесс формировал и удельную раздробленность Руси, не затронувшую в силу указанной особенности Новгородской земли. Иными словами, нигде на Руси не было столь последовательного разделения землевладельца с его землевладением, требовавшего постоянной переписки. Потребности хозяйственного управления понуждали к расширению круга грамотных людей. Я каса-

юсь особо этого вопроса, чтобы показать, как опосредованно проявляется воздействие форм государственного устройства на культуру. Как бы то ни было, но новгородец в своей массе был грамотнее русских людей из других областей Руси.

Это обстоятельство необходимо особенно учитывать, касаясь идейных, философских и общекультурных основ того расцвета искусства, который наблюдается в Новгороде республиканской поры и который оказал сильнейшее воздействие на искусство всей Руси. Тема культурного воздействия Новгорода на другие русские местные художественные школы заслуживала бы специального освещения. Но мне представляется более уместным коснуться иного аспекта формирования высокого искусства Новгорода.

Прежде, когда еще не были известны археологические комплексы, когда население Руси считалось даже самыми серьезными исследователями чуть ли не поголовно неграмотным, высокие шедевры новгородской живописи, архитектуры и торевтики казались прекрасными цветами, выросшими на пустыре. Возможность наслаждаться ими, казалось, носила сугубо элитарный характер и была достоянием самого узкого круга тех же профессионалов. Сейчас мы убедились, что высоко развитое эстетическое чувство было присуще всем слоям новгородского населения, проявляясь в массовом стремлении искусно украсить бытовые предметы. От незатейливого орнамента на деревянном или костяном гребне до создания подлинных шедевров прикладного искусства — таков спектр удовлетворения художественных потребностей. Порой деревянная ложка, вырезанная для того, чтобы хлебать ею щи, превращается в подлинное украшение музейной витрины, вызывая наше восхищение и замыслом, и его воплощением в руках безвестного средневекового мастера. На простых предметах утвари, на украшающей их резьбе мы обнаруживаем часто и следы ярких красок — этой традиции позднее было суждено воплотиться в великолепные произведения высокого искусства.

Открытие мира бытового искусства — очень большое достижение археологии, решившее, в частности, загадку белокаменной владими́ро-суздальской резьбы, сюжеты которой казались привнесенными из других, порой экзотических стран. И сама внешняя разница скупого декора новгородских храмов и изощренного резного ковра, покрывающего стены храмов Суздальской земли, породила устойчивое представление, противопоставляющее радостного хлебопашца суздальского Ополя суровому коренастому новгородскому мужику, который ловил рыбу и скреб сохой каменистую почву или вяз в болоте. В действительности внутренний мир новгородца оказался столь же пестрым и многоцветным. Только вот рыхлый ильменский известняк не воспринимал резьбы, которая, однако, процветала на дереве и кости, демонстрируя те же сюжеты, что и владимирская каменная резьба, только на три века раньше [9].

И еще одно обстоятельство, немаловажное для всей Руси. Как удачно выразился недавно один молодой писатель, Петр I вынужден был рубить окно в Европу там, где раньше была широкая дверь [10]. Иногда

эта дверь захлопывалась войной, но все же на протяжении IX — XV вв. Новгородская земля оставалась важнейшей контактной зоной между всей Русью и Западной Европой. Археологические раскопки дали в руки археологов многие сотни предметов западноевропейского происхождения. На западном сырье работало средневековое новгородское ремесло, так как почва Новгородской земли бедна полезными ископаемыми. Но вместе с хозяйственным импортом заимствовались и достижения культуры. Новгород никогда не был замкнут в самодовольстве, обогащаясь культурным опытом других народов. До сих пор новгородский кремль украшает Грановитая палата, созданная в XV в. по замыслу немецкого зодчего, «а стенчики были новгородцы». Входящего же в Софийский собор встречают бронзовые врата — плод работы немецких мастеров, дополненный новгородским скульптором.

Через Новгород мы постепенно узнаем подлинное лицо средневековой Руси, ее талантливого народа. И здесь необходимо сказать несколько слов еще об одном замечательном открытии. Кто бы мог предположить, что нашему поколению доведется услышать звучание музыкальных инструментов XI или XIV в. И вот теперь достоверные модели древних гудков и гуслей, созданные из таких же материалов и по законам заложенной в найденных фрагментах архитектоники, зазвучали в талантливых руках В.И.Поветкина. Это достижение уже стало достоянием широкой общественности.

Но новгородцы были не только творцами. Им приходилось с мечом и щитом в руках защищать созданные ими материальные и культурные богатства, а вместе с ними отстаивать и всю Русь. Огромна роль Новгорода в тяжелейшем для нашей Родины XIII столетии. В 100 верстах от Новгорода остановилось полчище Батые и повернуло на юг, напуганное героизмом маленького новгородского пригорода Торжка и славой Великого Новгорода. Однако не менее грозная опасность надвигалась тогда на Русь с запада. Агрессия немецкого ордена разбилась о героизм новгородцев, возглавленных Александром Невским, и с тех пор имя великого русского полководца неотделимо от воинской славы Новгорода. Новгород стяжал и позднее тяжелую, кровавую, но убедительную победу под Раковором, на многие десятилетия лишившую врага желания искать добычи на русских рубежах.

В XV в. Новгороду суждено было сыграть выдающуюся роль в истории нашей страны. Речь идет о завершающем этапе новгородской независимости. Но прежде всего остановимся на самом понятии независимости. Мы довольно часто злоупотребляем этим термином, говоря о Новгороде, и порой отождествляем этот термин с сепаратизмом. На протяжении многих столетий Новгород действительно отстаивал свою независимость не только от иноземных агрессоров, но и от попыток сильнейших русских князей подчинить его своей воле. Важнейшими историческими этапами этой борьбы было сопротивление новгородцев киевским князьям в XI — XII вв., знаменитая победа новгородцев над суздальцами в 1170 г., блестяще запечатленная в новгородской живописи, сопротивление «насилиям» Александра Ярославича. Однако во всех упомянутых

случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех «свобод», которые стали для Новгорода конституционными.

Во все эти времена Новгород оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе республиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда князь приходил в Новгород. Даже в возникших с середины XIV в. условиях жесткого противостояния Москве измены общерусскому делу нет, о чем убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик — поминовение павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче [11].

Как же в свете этой тенденции выглядит потеря новгородской независимости в 1478 г.? Современные западные историки, особенно в США и Германии, очень любят проливать слезы по поводу этой акции. Азиатская деспотия, тирания Москвы, рассуждают они, подавила новгородскую демократию, монархия уничтожила республику, и блестящий прогресс новгородского развития сменился темной ночью безусловного регресса. Союзников в таком рассуждении они отыскивают в русских историках-демократах от Радищева до Герцена.

Попытаемся разобраться в существе дела. Мы хорошо знаем теперь, что и декабристы, и Герцен идеализировали новгородские порядки, преувеличивая степень демократизма Новгорода. В борьбе с царизмом пример антимоноархической борьбы Новгорода был особенно поучительным, становясь хрестоматийным идеалом, которому при отсутствии достаточно представительной суммы источников придавались и неприусские ему черты.

Новгородская республика была республикой боярской, классовым орудием крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения и в деревне, и в городе и все более и более ужесточая формы его эксплуатации. Примерно к середине XIV в. процесс обояривания черных земель был практически завершен, и с этого момента главным объектом защиты со стороны боярского государства становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения Новгорода.

Летопись показывает, как постепенно растет сопротивление народа боярскому государству, прорываясь в многочисленных восстаниях, накал страстей в которых боярство постоянно стремится использовать в собственных целях. Страх перед народным недовольством диктует боярству необходимость консолидации, которая проявляется в постоянном

совершенствовании государственной системы власти. Последнее существенное ее преобразование происходит сразу же после самого мощного народного движения 1418 г., известного как восстание Степанки. Эта государственная реформа по существу ликвидирует вечевой строй, на смену которому приходит олигархия «Совета господ» [12]. Начиная с восстания Степанки летопись и берестяные документы неоднократно демонстрируют свершившееся прозрение, формирование антибоярского самосознания черного люда Новгорода. К XV в. относится цикл литературных произведений, обличающих мздоимство бояр и посадников, несправедность боярского суда. О каких-либо проявлениях демократии в XV в. говорить не приходится. И когда наступает решительный момент окончательного столкновения Москвы и Новгорода, оказывается, что простому населению Новгородской земли нечего защищать в сложившихся к тому времени порядках. Сражения не происходит. Требования великого князя о распространении на Новгород порядков Русского государства принимаются после недолгого сопротивления бояр, которые слезно молят Ивана III даже не о том, чтобы он сохранил в их руках власть, а о том, чтобы он не лишил их вотчин — «вывода бы не учинил». Поэтому присоединение Новгорода к Москве оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны народа.

События 1477 — 1478 гг. сыграли в высшей степени выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. Как прежде, Киевская Русь встала объединением Новгорода и Киева на две ноги, так и теперь Россия обрела свое государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода.

* * *

Расцвет Новгорода продолжался и в XVI в., свидетельством чему, в частности, остаются для нас многие памятники архитектуры и живописи той поры. Упадок Новгорода начинается с изменения системы торговых связей России и Западной Европы. Он был усугублен жестоким деянием опричнины Ивана Грозного и еще больше — шведским разорением начала XVII в.

Новый взлет Новгорода относится уже к нашему времени, когда он снова стал значительным центром промышленности и культуры. Новый Новгород снова играет важнейшую роль в истории нашей страны. В Новгороде есть чему поучиться и нам, людям, озабоченным развитием культуры и поддержанием лучших ее традиций, освоением опыта наших далеких и не столь далеких предков. В этом отношении Новгород по праву может быть назван лабораторией опыта. Именно здесь блестяще осуществлены в широких масштабах научные реставрации памятников древней архитектуры. Именно здесь созданы лучшие, на мой взгляд, в мире экспозиции по истории средневекового города. Именно здесь впервые проявилась в самых действенных формах государственная забота об охране нашей археологической сокровищницы культурного слоя. И именно здесь практически найдены формы активного взаимодействия народнохозяйственных забот руководства города и области и интересов исторической науки, призванные способствовать развитию нашей культуры и делу патриотического воспитания нашего народа.

С момента своего возникновения Новгород называется «новым городом». Пусть всегда над ним сияет свет новых свершений, новых идей и, разумеется, новых открытий!

1. Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С.173.
2. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 — 1983 гг.). М., 1985. 311 с.
3. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. 208 с.
4. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962 — 1976 гг.). М., 1978. С.133-134.
5. Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новг. сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С.138-155.
6. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. 296 с.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С.21, 205.
8. Былины Печоры и Зимнего Берега. М.-Л., 1961. С.112; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963. С.126.
9. Арциховский А.В. Колонна из новгородских раскопок // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.16-21.
10. Киселев Б. // Лит. учеба. 1984. № 4. С.11.
11. Шляпкин И.А. Синодик 1552 — 1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып.5. Новгород, 1911. С.6-7.
12. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С.232-273.